Новая газета. - 1999
16-22 авг. - № 13

БАНДИТЫ ЕЗДИТЬ НЕ УМЕЮТ

Известный российский режиссер Иван Дыховичный в молодости занимался гоночным спортом. Учил Владимира Высоцкого водить. Чуть ли не первым в Советском Союзе купил себе потрясающий спортивный «Порш». И даже теперь страсть, жажда острых ощущений прорываются через гармоничный строй его картин

Фото Пайпы АРЧВАДЗЕ

— Тогда, во времена вашей молодости, все только и говорили: футбол, хоккей. Сейчас только и слышно: Хаккинен, Шумахер. Гоночный спорт стал модным и престижным. А вы занимались гоночным спортом тогда, когда им почти никто не занимался...

— Для меня гоночный спорт стал формой нонконформизма, детского, вполне понятного желания не быть как все. Я довольно долго выбирал себе вид спорта. Пробовал гимнастику, бокс. Хотел даже заниматься верховой ездой. Оказалось, что это большая проблема. С верховой ездой было связано государство, армия. И вот тогда отец сказал мне, что надо заниматься таким видом спорта, где еще не разработана почва.

— Вы помните, каким был в пору вашей юности советский гоночный спорт?

— Вообще никаким. Ничего не было. Как бы не было. Тем интереснее было узнавать, что происходит в мире, где гоняли на «Формуле-1». Помню, как вырезали из журналов какие-то маленькие фотографии с текстами о том, кто стал чемпионом мира в «Формуле-1», как слушали репортажи по «Голосу Америки» и «Свободной Европе». Были какие-то отдельные русские энтузиасты, которые делали «Формулу-3». Были люди, которые на советских заводах сами делали гоночные машины. Наша страна всегда держалась именно на таких людях. Раньше их называли юродивыми. Именно они где-то на Горьковском заводе собирали первую советскую «Формулу-1», гоняли, устраивали первые ралли.

— То есть автомобильный спорт был, но спортом его не признавали...

— Гоняли на своих машинах. Сейчас это очень трудно себе представить, но ведь тогда богатых людей не было. И машина была единственным достоянием человека. Только сумасшедший энтузиаст мог бросить ее на ралли, где подвеска и корпус напрочь разбивались. То, что в России был автомобильный спорт, — это своего рода показатель, насколько альтруизм и немеркантильность сильны в людях.

— Неужели вам своей машины было не жалко?

— Машины у меня не было. У меня был мотоцикл. Но к нему не было деталей. В Советском Союзе с деталями вообще было плохо, поэтому все деталями менялись. Друг другу помогали чем могли. Как-то постепенно из мира обмена я попал в мир людей, которые занимались автомобильным спортом.

— Как же вы занимались автомобильным спортом без автомобиля?

— Автомобиль был у моего друга, балетного танцовщика Миши Тихомирова. Как и все танцовщики Большого театра, он рано получил возможность выезжать за границу и накопить на автомобиль. Мы объединились с Тихомировым и из его «Москвича» стали делать машину, на которой участвовали в первом подмосковном ралли. Правда, называлось оно не ралли, а как-то по-другому. Слова «ралли» тогда еще нельзя было произносить.

— Для того чтобы тренироваться, нужен круг. Неужели «бегали» наперегонки со спринтерами?

— Нет, никакого круга у нас не было. Мы тренировались по ночам на стадионе АЗЛК около «Лужников». Сейчас там платная парковка, а когда-то мы на этом стадионе ставили фигурки и между ними гоняли. У меня был друг, югослав. Профессиональный спортсмен, он учился автомобильному спорту в Италии. А потом здесь, в Москве, по ночам учил меня по европейской школе, как надо проходить повороты, как переключать передачи, как держать руль. Тогда этого вообще никто не знал. В основном гоняли на отчаянии и на русском характере.

— Получалось?

— Получалось. Есть люди, у которых дар от Бога. У этих гонщиков были фантастическое природное чувство дистанции и ощущение пространства. Они все делали правильно. Правильно, но интуитивно.

— Именно такие люди противостояли вам на первых подмосковных гонках. Интуиция против европейской системы. Кто победил?

— Мы это ралли проиграли. Даже помню, почему. Потому, что у нас лопнул нижний патрубок. Мы проходили на первые места, и поэтому было ужасно обидно проиграть. Но все про нас говорили, потому что мы были любителями. Все остальные примыкали к каким-то спортивным обществам.

— Иван, вот вы, бывший гонщик, ездите по городу на «Порше». Дорога не стесняет?

— Дорога никогда не стесняет. Хороший автомобиль — это как раз возможность даже в очень сложной городской обстановке двигаться значительно более... продвинуто. Надо уметь пользоваться возможностями автомобиля. В основном в экстренных ситуациях вас спасает не торможение, а наоборот — ускорение. Многие люди совершенно ошибочно полагают, что чем автомобиль слабее, тем он безопаснее. Да, безусловно, техника в руках дикаря очень опасна. Но если человек ездит более или менее грамотно, то есть понимает, что он делает, то ему как раз не хватает мощности автомобиля. Проблема спортивных автомобилей в том, что у нас в них не верят, удивляются, как можно ездить на спортивном автомобиле по нашим дорогам. Но у настоящего спортивного автомобиля подвеска в два раза сильнее, чем у обычного...

— Но ведь дело не только в автомобиле. Дело еще и в водителе...

— По системе вождения человека в городе вы можете моментально определить, насколько высока степень агрессии в обществе. Например, в Париже ездят не менее активно, а может быть, даже и более активно, чем в Москве. Но человек, резко выезжающий из третьего ряда в правый, там встречает полное понимание у всех, кто едет. Все понимают, что он делает это не случайно. Он делает это потому, что у него действительно есть необходимость это сделать. И все остальные тормозят. У нас никто не тормозит. Когда вы пытаетесь въехать в общий поток или перейти в другой ряд, вас просто вытеснят. Раздавят всмятку. У нас на дорогах царит дикая жестокость. И абсолютное нежелание понимать ситуацию другого человека. Все время приходится учитывать, что имеешь дело с очень агрессивными массами.

— Иван, может быть, это только у вас такая черта характера — спокойствие за рулем. Ведь все люди разные. Одно дело вы, другое — скажем, Володя Высоцкий, которого вы учили водить машину. Вы же сами во всех своих интервью говорите, что Володя был слишком агрессивен...

— Володя был абсолютно невнимательный человек. Он любил ездить быстро, но совершенно не желал ничему учиться. Не отслеживал ситуацию на дороге. У него не было одной из главных способностей любого водителя — правильного зрения. Не было широкого спектра внимания. Он видел дорогу только прямо перед собой. Очень странно, что Володя вообще не видел боковым зрением. Совершенно не рассчитывал на неожиданность, на мгновенное изменение обстановки. Это, кстати, вообще самое главное для любого человека умение. А у Володи этих качеств не было в природе. Он был очень агрессивен, темпераментен, азартен.

— Те, кто смотрит «Формулу-1», болеют либо за эмоционального Шумахера, либо за техничного и холодного Хаккинена. Вы за кого?

— Я могу сказать, что Шумахер невероятно талантливый гонщик. И, кстати говоря, не очень приятная личность. Что-то его роднит со знаменитым Сенной. Хотя Шумахер, конечно, немец. Совершенно другой человек. Я могу сказать, что был только один суперталантливый гонщик, который лично мне близок абсолютно... да, по всему. Ники Лауде. У него был удивительный талант. Ники Лауде был тактиком. Он рассчитывал такие вещи, которые не приходили в голову ни одному человеку, кроме него.

Он рассчитывал все, даже климат на трассе. Удивительно, как в нем соединялись внутренний аферизм, риск с внутренним обобщением и вниманием. Шумахер обладает такими же качествами. Хаккинен тоже талантливый гонщик. Я понимаю, что, по справедливости, Хаккинен должен быть первым, но ничего не могу с собой поделать, болею за Шумахера.

— Иван, расскажите, почему вы водите «Порш»?

— Я считаю, что «Порш» — это автомобиль автомобилей. Конечно, я не говорю про «Формулу-1». Просто «Порш» — это единственный профессиональный автомобиль. Единственный, созданный для вождения первого класса. «Феррари», «Ламборгини» — это все автомобили с какимто... сыром внутри. «Порш» — это самая строгая машина. Он ближе всего по технологиям, по дизайну к самолетам. Такой же красивый и профессиональный.

— В нашей стране купить «Порш» просто никому не придет в голову. Слишком тяжело водить...

— Да, эту машину здесь не принимают богатые. Они ее не покупают и на ней не ездят. Это для них слишком опасно.

— Если не секрет, вы по городу на какой скорости ездите?

— Тут дело, поверьте мне, не в скорости. Дело... в особенности поворота, в его крутизне. В умении его красиво пройти. То же самое и при движении в центре потока. Те, кто со мной ездил, знают, что я никогда не подставляю людей в потоке под торможение. Как ездят бандиты? Они просто въезжают и выдавливают человека из потока. Кто-то начинает тормозить. Возникает аварийная ситуация. Бандиты, они считают, что выше других. Но ездить не умеют. Знаете, водить машину, которая ездит быстро, может любой дурак. В Москве очень многие ездят быстро: но я сразу вижу, что они не отвечают за то, что делают.

— Вряд ли с этим можно что-то сделать. Наверное, и гонщиков хороших у нас именно поэтому нет...

— Вы знаете, у нас скоро все будет. Обратите внимание, у нас точно такая же ситуация и в кино, и в театре, и в музыке. Сейчас — момент удивительного накопления. Мы попали в очень важное и интересное десятилетие. И результат должен появиться через несколько лет.

— Вы верите, что у нас появятся настоящие профессиональные гонщики?

— Я уже ощущаю их появление. Я верю, что наши гонщики будут в «Формуле-1» примерно через пять лет. Потому что нация у нас очень талантливая. Она просто должна отказаться от целого ряда соблазнов и начать заниматься непосредственно своим делом. И все у нас будет. Если дождемся. Ведь главная наша проблема в том, что мы никогда не дожидаемся результата. В самый последний момент меняем направление... Так что все у нас произойдет, если не произойдет никаких социальных изменений.

● Беседовал
Николай ФЕДЯНИН